

Ограда западного хора Наумбургского собора украшена вверху сценами „Страстей Христовых“. Это первое воплощение в немецком монументальном искусстве евангельского повествования о страданиях и смерти Христа. В интерпретации наумбургского мастера эпизоды христианской легенды утрачивают черты церковной символики и превращаются в рассказ о простых людях.

Уже первый рельеф этого цикла — „Тайная вечеря“ поражает необычностью решения (илл. 127). Здесь нет никакого намека на чудо, на сложное символическое значение, которое вкладывала в „Тайную вечерю“ христианская церковь, связывавшая этот эпизод с одним из главных религиозных таинств — причастием. Коренастые фигуры, широкоскулые лица, грубые миски с едой, лежащий на скатерти нарезанный толстыми ломтями хлеб придают этой сцене сходство с крестьянской трапезой. Утомленные после дневного труда люди с жадностью набросились на еду. Один пьет прямо из кувшина, другой подносит кусок ко рту, третьи достают еду руками из мисок. Жесты этих людей безыскусственны, лица простодушны, чувствуется, что помыслы их всецело принадлежат земле. Таков и Христос в „Тайной вечере“. Протягивая Иуде ломоть хлеба, он осторожно придерживает другой рукой широкий рукав, чтобы не испачкать его едой. Только сидящий у края справа немолодой облысевший бородач кажется погруженным в какие-то свои мысли. Некоторые склонны видеть в нем автопортрет художника.

Царящая в „Тайной вечере“ атмосфера бесхитростности и простодушия сменяется в сцене „Предатель-